

I

Как известно, детское любопытство неистощимо и находит в себе обильную пищу даже там, где, кажется, уж решительно ничего нельзя найти. Например, какой интерес может представлять собой пустырь, поросший бурьяном и крапивой? Даже неприхотливые городские козлы не считали нужным сюда заглядывать, а между тем мы, школяры, не находили себе места лучше и, как воробьи, обыскали каждый уголок. Лучше этого пустыря для нас ничего не было, особенно осенью, когда выпадал первый снежок. Это был чудесный, единственный уголок...

Много прошло этому лет, но я сейчас не могу равнодушно вспомнить об этом милом пустыре, с которым связано столько дорогих детских воспоминаний. Представьте себе глухую улицу глухого, провинциального городка, усаженную одноэтажными деревянными домиками, с длинными заборами, из-за которых выглядывали рябины, черемухи и березы, с плохими деревянными тротуарами и с громадным пустырем в самой середине. От улицы пустырь отделялся тоже забором, но он давно уже покосился и имел такой вид, что вот-вот упадет. Ворота не было; а мы проникали в этот пустырь со стороны болотистой реки, где тоже когда-то стоял забор, но постепенно был растащен соседями на дрова. Главную прелесть этого пустыря составляло небольшое озерко. От бывших здесь построек сохранились один фундамент и старая деревянная баня. В уголке как-то жалко торчали две старые березы, точно позабытые всеми сироты. Озерко на нашем школьном языке называлось Средиземным морем, а баня - замком. Детское воображение превращало пустырь в громадную дикую страну, полную чудес и самых таинственных явлений. В "Средиземном море" жили русалки, а в бане-замке - привидения. Тех и других кто-то видел, и все боялись.

Я уже сказал, что самым лучшим временем для нашего пустыря была та крепкая осень, когда земля промерзала и начинал выпадать первый снежок. Все летние игры кончались, и приходилось мириться с тем, что могла дать осень. Только дети умеют использовать

всякую мелочь, как тряпки, палки, камушки и т.д. Все это оказывается нужным, и все идет в дело. А тут в наше распоряжение попал целый пустырь... Как теперь вижу, как ранним осенним утром, когда еще хорошенько не рассвело, мы, по пути в школу, как воробьи, забирались на наш пустырь с самыми коварными целями, именно чтобы поставить клетки-западни, раскинуть тайники (сетки для ловли птиц) и везде рассыпать притраву из конопляного семени и разных крошек. Бедным маленьким птичкам, остававшимся на зиму, приходилось добывать свою пищу с большим трудом, и они попадались в наши ловушки. Серые чечетки с красными хохолками, желтогрудые кузнечики, розовые жуланы (снегири), пестренькие зяблики - все одинаково страдали от нашего хищничества и за корм платили неволей. В праздники мы по целым часам терпеливо высиживали где-нибудь в бурьяне, чтобы подкараулить момент, когда нужно дернуть веревочку тайника. Хитро устроенная сетка захлопывалась, и несчастная жертва нашей ребячьей жестокости попадала в клетку.

Как сейчас помню то роковое утро, когда мы, по обыкновению, явились на наш пустырь, нагруженные клетками, западнями и тайниками. Утро было самое отличное для нашей охоты. Падал снежок, а "Средиземное море" уже покрылось тонким, как стекло, первым льдом, по которому еще было нельзя кататься на коньках. Первое, что нам бросилось в глаза, - это вившийся из трубы бани-замка тоненькой струйкой синий дымок.

- В замке появилось привидение... - прошептал кто-то.

В первую минуту мы остановились и даже малодушно хотели отступить. В следующий момент мы рассмотрели отпечатавшиеся на снегу следы мужских сапог, которые вели к реке. По внимательном их исследовании было единогласно решено, что это следы того волшебника, который ночью вышел из реки и поселился в нашем замке. Это было так ясно, что никому и в голову не пришла самая простая мысль, именно, что волшебник ходил к реке за водой. Почему неизвестное существо, поселившееся в пустой бане, непременно волшебник, а не просто человек, - тоже было ясно, как день, и не требовало доказательств. Кто первый придумал это слово - осталось неизвестным, но всем было ясно, что поселился в нашем замке именно волшебник.

- А может быть, это привидение? - попробовал кто-то посомневаться еще раз; но эта мысль была встречена общим негодованием.

- Разве привидения топят печи?!

- Разве привидения ходят в сапогах?!

После некоторого раздумья мы двинулись вперед. Дымок продолжал подниматься над замком и точно таял в воздухе. Мы заняли свои обычные позиции и принялись за дело, по временам оглядываясь на баню. Охота на птичек требует большого терпения. Чтобы не спугнуть добычу, приходилось молчать и не двигаться по целым часам. Из засеваемой бурьяне детворы впоследствии вышли два врача, один технолог, три учителя гимназии и даже товарищ прокурора. Где-то они сейчас?.. Вероятно, когда выпадает первый снежок, они каждый раз вспоминают заброшенный пустырь, где когда-то ловили чечеток,

жуланов, кузнечиков и зябликов. А может быть, их дети в это время тоже занимаются птицеводством...

Мы отсидели в бурьяне положенное время, поймали несколько чечеток и разошлись по домам, рассуждая по дороге о таинственном волшебнике, который даже не счел нужным показаться, чтобы прогнать непрошенных гостей. Осень выдалась для нас неудачная, и птица ловилась плохо, а тут еще навязался волшебник, от которого трудно было ждать чего-нибудь хорошего.

На следующие дни мы опять видели поднимающийся из бани дымок, а некоторые уверяли, что в окне бани показывалось чье-то лицо с большой седой бородой.

- А рога есть у волшебника?

- Ну, волшебникам рога не полагаются, а только седая, длинная-длинная борода.

Кстати наступил перерыв в нашей охоте на птиц, потому что лед на "Средиземном море" сделался настолько толстым, что мы могли кататься на коньках, - удовольствие, равного которому, как известно, нет. Тайники, западни и силки на время были позабыты.

II

"Период коньков" продолжался не больше недели, потому что выпал полуаршинный снег и засыпал все "Средиземное море". Конечно, во время катанья на коньках нам было не до волшебника, хотя мы и видели каждый день поднимающийся из бани-замка дымок. Увлечение коньками было настолько сильно, что если бы в нашей бане поселился белый медведь, - мы и на него не обратили бы должного внимания, какого каждый медведь заслуживает.

Пришлось опять вернуться к птицам, тем более что выпавший глубокий снег лишал их даже тех зернышек, какие они находили в засохшей траве. Теперь они с голодной доверчивостью набрасывались на нашу притраву и попадали в западни десятками, так что мы оставляли у себя только лучшие экземпляры, а недостойным нашего внимания торжественно возвращали золотую птичью свободу.

В один из горячих моментов нашей охоты мы в первый раз увидели таинственного волшебника. Увлеченные своим делом, мы не заметили, как он вышел из своей бани, - он точно вырос перед нами из земли, как и полагается настоящему волшебнику. Это был действительно старик, высокий, худой, сторбленный, с редкой седенькой бородкой. Потертая военная шинель сидела на нем, как на деревянной вешалке, и, вероятно, чтобы не свалилась с него, была перехвачена вместо пояса каким-то шарфом. Волшебник, по-видимому, совсем не желал нас замечать. Он постоял на одном месте, что-то пробормотал себе под нос, а потом быстро принялся за дело, какого мы меньше всего ожидали. Он снял с берез наши западни и выпустил сидевших в них для приманки птичек, потом сделал то же с клетками-садками, куда мы временно помещали только что пойманных птичек, наконец спокойно подобрал растянутые на снегу сетки-тайники и разорвал их. Мы все онемели от ужаса.

- Что вы делаете?! - крикнул наконец какой-то отчаянный смельчак.

Волшебник оглянулся на голос и улыбнулся. Последнее придало нам храбрости, и мы его окружили живой стеной.

- Вы не имеете права рвать наши тайники и выпускать наших птиц! - загалдели мы разом.
- Это бессовестно!..

Он продолжал улыбаться, рассматривая своих врагов поочередно.

- Ваши птицы? - проговорил он наконец. - Ваши птицы?

- Конечно, наши, если мы их поймали...

- Да, вы их поймали, но это совсем не значит, что они ваши, - спокойно ответил он. - И даже совсем не ваши... Для чего создана птичка? А вы подумайте хорошенько об этом... Представьте себе только, что вас самих кто-нибудь посадил в клетку, другими словами, - тюрьму, и посадил только потому, что вы голодны... Да. А вы с горя начали бы петь, чтобы доставить удовольствие тому, кто лишил вас свободы...

Эти слова не произвели на нас никакого впечатления, потому что все думали о выпущенных на волю пленниках и разорванных тайниках. Волшебник, кажется, это заметил и проговорил уже другим тоном, точно он давным-давно был знаком со всеми:

- Послушайте, ребятки, носы у вас от мороза красные, руки - тоже... Пойдемте ко мне, я вас напою чаем. Горячий чай - лучшая вещь на свете...

Мы приняли это любезное приглашение с большой нерешительностью. А вдруг волшебник заманит нас в свой замок и что-нибудь сделает с нами такое, что мы больше не увидим белого света?

- А вы кто такой? - спросил кто-то.

- Я? - переспросил волшебник и, подумав, ответил с улыбкой: - Я - птица... Да, настоящая птица.

В ответ послышался смех.

- Да, настоящая птица, - настойчиво повторил волшебник. - Зовут меня Иваном Гаврилычем Мухиным, а все-таки птица. Ну, об этом поговорим потом, а сейчас пойдемте пить чай.

В толпе всегда найдется решительный человек, который поведет за собой других. Так было и с нами. С другой стороны, и выпить горячего чая было недурно. Мы веселой гурьбой вошли в баню, где топилась печь. Из банной каменки волшебник ухитрился сделать себе большой камин, а банный полоч был превращен в какой-то музей редкостей. Тут стояли какие-то мудреные машины, колеса и т.п. Баня была устроена по-старинному, большая и светлая, благо прежде лес был дешев.

- Садитесь, дорогие гости, - приглашал нас волшебник. - Места всем хватит...

Мы сели на большую лавку у окна, а гостеприимный волшебник принялся готовить чай. Всего интереснее было для нас то, как он приготовит чай без самовара; но дело оказалось самое простое: в камине у огня стоял чугунный котел - вот и самовар. Чайник с подбитым носиком и две жестяные кружки составляли весь чайный сервиз. Все это было так хорошо, что мы забыли всякий страх. Помилуйте, напиться чаю из чугунного котла да из жестяной кружки - это одно уже делало настоящий праздник.

- А разве птицы пьют чай? - решился кто-то спросить, когда чай был готов.

Всем сделалось ужасно весело.

Волшебник добродушно смеялся вместе с нами, и мы как-то сразу полюбили его, как умеют любить только дети. Сейчас он был в синей блузе, подпоясанной ремешком. Голова у него была совсем лысая, отчего лоб казался необыкновенно большим, чуть не с чугунный котел, в котором так весело сейчас кипела вода. Худое лицо было покрыто глубокими морщинами, а серые, большие, грустные глаза смотрели с пытливой ласковостью.

- И у птицы есть свой чай, - добродушно говорил волшебник, потирая руки. - Ну-ка, чем отличается птица от человека?

- У нее нет рук...

- Она в перьях...

- Она глупая...

- А главного-то и не сказали, - перебил нас волшебник. - Всякая, самая глупая птица и та умеет летать, а человек не умеет. Вот тут-то и секрет, братцы...

- А почему вы называете себя птицей?

- А потому, что я тоже полечу, как птица...

Мы звонко расхохотались. Этакой смешной волшебник и вдруг полетит...

- У вас хвоста нет, - пошутил кто-то.

- Будет все: и хвост, и крылья... Все будет, как у настоящей птицы.

- Неужели вы полетите?

- Непременно...

Волшебник начал подробно рассказывать нам историю воздухоплавания, перечисляя по именам всех знаменитых воздухоплателей и сделанные ими открытия...

- Пока дальше воздушных шаров еще никто не пошел, - рассказывал он. - А это пустяки... С воздушными шарами ничего не подделаешь. Все дело в том, когда будет изобретена воздухоплавательная машина. Изобрели же паровую машину, открыли электричество, - ну, откроют и воздухоплавательную машину. Вся задача в том, что она должна быть в десять раз легче паровой машины и развивать силу в десять раз больше. Наука идет вперед, и это будет сделано...

III

У нас быстро завязалось самое близкое знакомство с волшебником. В его замке мы чувствовали себя настолько дома, что сделались надоедливymi и уж слишком бесцеремонными. Но он все терпел от своих молодых друзей и позволял нам хозяйничать в его помещении, как мы хотели. Запретной областью оставался только банный полок, где стояли модели каких-то непонятных машин и приборы. Волшебник с одушевлением посвящал нас во все тайны воздухоплавания, объяснял устройство воздушных шаров, а всего интереснее - рассказывал ужасные случаи с аэронавтами.

- Все это были герои науки, - любил повторять волшебник. - И для науки требуется не меньшая храбрость, чем на войне... А сколько труда, терпения и ума затрачено на малейшее открытие в области науки! Мы слишком привыкли к окружающим нас чудесам этой науки... Никто уже не удивляется ни пароходу, ни железной дороге, ни телеграфу, ни напечатанной книге, ни швейной машине, ни зажигательной спичке, а ведь все это придумано гениальнейшими людьми, выстрадано. Под каждым изобретением лежит много-много испорченных жизней, несчастий и страданий тех безумцев-изобретателей, над которыми при жизни смеялись и которые дарили человечеству свои открытия...

Волшебник говорил с увлечением. На его высоком лбу выступали капли пота, а худое и бледное лицо покрывалось румянцем. Он любил разговаривать на ходу, смешно размахивая руками.

- Да, да, мы не умеем ценить наших благодетелей и смеемся над ними, как глупые дети, - объяснял волшебник. - Каждое новое открытие или изобретение, - это благодеяние всему человечеству... И тот безумец, который откроет секрет движения по воздуху, перевернет всю историю человечества. Даже приблизительно нельзя себе представить, что тогда будет... Да, такой человек в свое время должен явиться, и мы все полетим по воздуху, как птицы. Это будет величайшим завоеванием... И я верю, что даже люди сделаются добрее и лучше, потому что у них, благодаря воздухоплаванию, явится больше средств к существованию, больше удобств и тысячи других преимуществ, о которых мы сейчас и мечтать не смеем.

Много-много говорил в этом роде странный старик, и мы отлично его понимали и даже готовы были согласиться, что таким гениальным изобретателем явится именно он, наш собственный волшебник.

- Он полетит непременно, - толковали мы между собой. - А пока скрывает все...

По нашему мнению, изобретатель воздухоплавания даже должен был жить в бане, а не в обыкновенном доме. В наших детских глазах волшебник превращался в существо необыкновенное, ведь он знал решительно все на свете и все мог сделать.

Впрочем, бывали моменты разочарования. Иногда волшебник принимал нас очень сухо, то есть был неразговорчив, морщился и глухо кашлял. Правда, зима стояла суровая, баня была занесена снегом чуть не до самой крыши, камин давал мало тепла, и волшебник сидел у себя дома в шубе. Временами он исчезал на несколько дней, и мы только по дыму из банной трубы могли догадываться об его возвращении.

- Ну, что, детки, как дела? - спрашивал он обыкновенно после такой разлуки, и в его голосе слышалась какая-то особенная нежность. - А я уж соскучился о моих воробьях... ведь вы тоже птицы, а будете побольше, отрастут крылышки и разлетитесь в разные стороны.

К нашему стыду должен признаться, что мы совсем мало интересовались вопросом, кто такой наш волшебник, откуда он взялся и почему поселился на нашем пустыре. Мы довольствовались тем, что видели наши глаза и слышали наши уши. Впрочем, иногда волшебник рассказывал нам о том, как живут люди за границей и в Америке. Очевидно, он много путешествовал и много видел. Одним словом, волшебник являлся для нас живой энциклопедией всевозможных знаний.

Суровая зима прошла. Наступала тяжелая северная весна с ее гололедицей, снежными метелями и ростепелями. То, что оттаивало днем, замерзало ночью. Весеннее солнце точно разъедало саженные сугробы снега, пока не появились первые весенние проталинки. Наш пустырь постепенно таял, а "Средиземное море" точно вспухло и покрылось трещинами. Но и этот мучительный период северной весны миновал, и снег оставался только в теневых местах и в бурьяне. Прилетели первыми синички-трясогузки, показались дорогие гости скворцы, а вместе с весной у нас проснулась, и жажда возобновить прекращенную волшебником охоту на птиц.

- Что мы его слушаем? - роптали более строптивые мальчуганы. - Пусть он кашляет в своей бане, а мы будем ловить птиц...

С детской жестокостью мы оплачивали самой черной неблагодарностью нашему старому другу. В одно действительно прекрасное весеннее утро мы тайком пробрались в наш пустырь с возобновленными тайниками, западнями и ловушками. Увлеченные своим предприятием, мы не заметили, что волшебник сидит на пороге своей бани. Несмотря на солнечное, теплое утро, он был в шубе и, видимо, грелся на солнце. На свежем воздухе он показался таким жалким, высохшим, изможденным.

Мы были смущены и даже хотели убежать, но волшебник нас остановил:

- Ах, детки, вы опять за старое принимаетесь? Стыдно, очень стыдно. Неужели вам приятно смотреть на хорошенькую птичку, которая умирает с тоски в клетке? Ведь это ужасно... А потом подумайте, что может быть красивее птицы? Это сама свобода... Она

летит к нам из-за тридевять земель, как дорогая гостья, а вы ее хотите посадить в тюрьму...

К сожалению, эти прекрасные слова не действовали на нас. Мы были слишком захвачены весенним теплом и светом и жаждали самой бурной деятельности, а тут какой-то волшебник захватил дорогой нам пустырь...

В солнечные, теплые дни он выходил греться на солнышке и не снимал шубы. Его мучил глухой кашель, и волшебник точно таял у нас на глазах.

Потом наступили экзамены, и нам было не до волшебника. Перед отъездом на каникулы мы все-таки вспомнили о нем и забежали проститься. Он сидел, по обыкновению, на пороге бани и очень был рад, что мы его не забыли.

- А я вам покажу одну интересную штучку, - говорил он.

- Летательную машину?

- Почти...

Волшебник сходил в свою баню и вынес нам китайскую летающую бабочку. Эту игрушку мы видели в первый раз и были поражены, когда она взвилась на воздух, хлопая бумажными крылышками, точно летучая мышь. Волшебник смотрел на нас и улыбался.

- Вот, детки, как будут летать по воздуху, - объяснял он. - Многие великие открытия делались этим путем, то есть сначала были детской игрушкой.

Когда мы вернулись осенью в город, волшебника уже не было. Он умер летом.